

15. *Налбандян М. Б., Налбандян Ю. С.* Николай Андреевич Дернов (1891–1938): К 100-летию со дня рождения. Ростов н/Д, 1991. Рук. деп. в НИИ высш. образования 4.10.1991 г., № В32-91. [Электрон. ресурс]. URL: http://mmedia0.cc.rsu.ru/www/umr.umr_download?p_umr_id=17168 (дата обращения: 5.09.2011).

16. Протопресвитер Александр Дернов [Электрон. ресурс] // Соборная весть. 2002. № 24, авг. URL: <http://www.pravpiter.ru/sovs/n024/ta008.htm> (дата обращения: 5.09.2011).

17. *Семячкова В. В.* Благотворительность на Урале и Русско-японская война (1904–1905) (по материалам «Екатеринбургских епархиальных ведомостей») // Невьянские исторические чтения : тез. докл. и сообщ. : в 2 т. Невьянск, 2006. Т. 1. С. 199–207.

18. *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1.

19. *Цыганков В.* Протопресвитер Александр Дернов [Электрон. ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=14808> (дата обращения: 5.09.2011).

М. И. Дергачева

г. Новосибирск

Архив профессора И. А. Дергачева: структура и исследовательский потенциал

Научное наследие Ивана Алексеевича Дергачева, кроме его опубликованных работ, в не меньшей степени представлено и его архивными материалами. Настоящее сообщение преследует цель дать краткий обзор архива И. А. Дергачева, обозначив особенности его структуры, отдельных разделов, дел и некоторых наиболее интересных единиц хранения.

Поскольку Иван Алексеевич Дергачев был литературоведом и литературным критиком, то кажется естественным выделение в его литературном наследии, прежде всего, двух разделов: литературоведения и литературной критики.

Материалы по разделам литературоведения и литературной критики, естественно, самые объемные, самые разнообразные и, как представля-

ются, самые интересные, а также (как это ни странно) имеют самый большой объем неопубликованных текстов и заметок и др.

Было бы логично начать характеристику архивных материалов с раздела «Литературоведение», но я позволю себе начать с раздела «Литературная критика», потому что это как раз наименее описанные и известные пока материалы в архиве Ивана Алексеевича, да и менее объемные, чем относящиеся к литературоведению.

Работы, относящиеся в архиве к разделу «*Литературная критика*», можно разделить на три подраздела.

Первый — это критические опубликованные и неопубликованные обзоры литературы за определенный период, представленные машинописными и рукописными текстами и материалами к ним (д. 324, ед. хр. 2; д. 270, ед. хр. 1–4; д. 203, 204, 210, 212, 310, 349а, 666, 1115–1118 и др.). Например, к ним можно отнести обзоры творчества свердловских писателей за годы войны и за 1946–1958 гг., рецензию на 17-й выпуск альманаха свердловской писательской организации «Уральский современник», опубликованную в 1956 г., анализ статей по литературной критике в 1972 г. на страницах газет («Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», «На смену!»), аналитический обзор публикаций ряда журналов (например, «Уральский следопыт» за 1959 г., «Урал» за 1958 г.) и т. д. В этот подраздел входят также критические обзоры творчества писателей, краеведов, литературоведов: например, А. Серафимовича (1941), Н. Поповой (1959, 1960), В. Астафьева (1965), А. Бондина (1965, 1982), М. Батина (1970), Б. Павловского (1970), А. Авдеенко (1971), С. Власовой (1971), Н. Никонова (1973), В. Николаева (1980) и др., критический анализ отдельных произведений писателей, например, Н. Поповой «Зрелость» (1953), «Заре навстречу» (1963), и др.

Второй подраздел — это опубликованные критические статьи, рецензии и рукописные материалы к ним (д. 200, 205–207, 225, 262, 916 и др.). Например, рецензии на книги Павла Петровича Бажова «Дальнее — близкое» (здесь и далее в скобках указаны годы публикации рецензий, 1950), «Уральские были» (1951), «Публицистика. Письма. Дневники» (1956); Константина Мурзиди «Высота» (1952), Федора Тарханеева «На широком просторе» (1953), Константина Боголюбова «Связанные крылья» (1953), Иосифа Ликстанова «Первое имя» (1954), А. Шмакова «Петербургский изгнанник» (1957), Нины Поповой «Заре навстречу» (1963), Ольги Марковой (1968) и др. (полный список рецензий имеется в последней опубликованной библиографии трудов Ивана Алексеевича Дергачева, 1991 г.). В этот же подраздел отнесены опубликованные рецензии на

литературоведческие работы К. Боголюбова о Д. Н. Мамине-Сибиряке (1951), С. Жислиной о творчестве А. П. Бондина (1952), А. Саранцева — о П. П. Бажове (1957), А. И. Груздева — о Д. Н. Мамине-Сибиряке (1958) и др., а также вступительные статьи к издававшимся произведениям писателей, как, например, к «Историческим повестям» К. Боголюбова (1972).

В качестве третьего подраздела литературной критики выделяются неопубликовавшиеся рецензии для Средне-Уральского книжного издательства: рукописные и машинописные с рукописной правкой тексты и материалы к ним (д. 324, ед. хр. 1, 3–16; д. 274, ед. хр. 1; д. 262, 1515, ед. хр. 1–3, 1623, 1651; и др.)

Среди них рецензии на рукописи произведений малоизвестных и широко известных читателям авторов, таких как Виктор Астафьев, Нина Попова, Иван Истомин, Иван Трофимов, Павел Вишнев, Станислав Гагарин, Константин Лагунов, Станислав Мелешин, Александр Шмаков, Константин Боголюбов, Леонид Большаков, Константин Семенов, Климентий Борисов, Евгений Пермьяк, Владимир Турунтаев, Борис Удинцев и др. Рецензировались произведения разных форм — от рассказов до романов, а также диалогий и трилогий. Например, рецензии на произведения, которые теперь уже можно назвать классикой современной литературы, как, например, роман Евгения Пермьяка «Горбатый медведь». Рецензия датируется 19 июля 1966 г., при жизни Ивана Алексеевича не публиковалась. Большой интерес представляют рукописные материалы к рецензиям на книги, например, на совместную Б. Удинцева и К. Боголюбова рукопись «Певец Урала. Биография Д. Н. Мамина-Сибиряка», книгу «Башкирия в русской литературе» (составитель М. Г. Рахимкулов), рукопись книги Николая Сергованцева «Мамин-Сибиряк», вышедшей позднее в серии ЖЗЛ, и др.

Следует подчеркнуть, что доля научного наследия Ивана Алексеевича, относящаяся к разделу «литературная критика», занимала большое место в его научном творчестве в 40–60-е гг. XX в., после чего стала постепенно уменьшаться. С начала — середины 60-х гг. Иван Алексеевич больше сил и времени стал отдавать литературоведению, и со временем критические статьи, обзоры и материалы стали единичными.

Самый большой раздел архива И. А. Дергачева представлен работами **по литературоведению**. Здесь среди подразделов можно выделить неравноценные по объему, но, как представляется, одинаково важные для его литературоведческой работы части: материалы о жизни и творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, о жизни и творчестве Ф. М. Решетникова, о творчестве уральских писателей дореволюционного периода

(т. е. XIX — самого начала XX в.), творчестве писателей Урала середины XX в. и после (т. е. 1950–1990 гг.), а также материалы по теоретическим вопросам литературоведения. Среди подразделов можно выделить дела, содержащие конспекты, материалы, заметки общетеоретического характера, библиографические сводки и библиографические материалы, опубликованные монографии и статьи и материалы к ним, неопубликованные и незаконченные монографии и статьи и материалы к ним, материалы, заметки, выписки о жизни отдельных писателей, рукописи произведений Ивана Алексеевича юношеских лет, материалы по истории литературы Урала, уральскому краеведению, творчеству уральских писателей, современников Дергачева, рецензии и отзывы на произведения и рукописи писателей и литературоведов, учебные и учебно-методические материалы, планы, заметки, наброски, тексты к лекциям, спецкурсам и спецсеминарам, доклады и выступления, вырезки из газет, издательские дела, материалы военных лет и о Великой Отечественной войне, официальные бумаги, семейные бумаги письма.

Наиболее насыщен осуществленными и неосуществленными задумками, а значит, и подготовительными материалами, вариантами текстов, планов, тезисных программ, рукописных материалов с ремарками «мое», «размышления», «очень важное», «мысли вслух» и т. д., конечно же, раздел, посвященный *жизни и творчеству Мамина-Сибиряка*. Только дела и единицы хранения, помеченные рукой Ивана Алексеевича как «М.-С., о М.-С., к М.-С. », составляют около 1/3 всех материалов архива, а если учесть, что в другой трети — в разделе по теоретическим вопросам литературоведения — также около половины дел имеют пометки, связывающие их с именем Мамина-Сибиряка («к Хлебу», «к Приваловским миллионам», «к Жанру Маминских романов», «к Ранним очеркам» и т. д.), то все они в совокупности составляют большую часть архива. Это и понятно, поскольку Иван Алексеевич начал заниматься вопросами жизни и творчества Мамина-Сибиряка сразу после возвращения с фронта: он воевал 4,5 года, с первых дней войны.

Первые материалы (выписки из фондов Государственного архива по Свердловской области — ГАСО, выписки из работ, которые, так или иначе, касались жизни и творчества Мамина-Сибиряка, оценки его современниками и критиками, выписки с комментариями Ивана Алексеевича, результаты поиска изданных и неизданных произведений Мамина-Сибиряка, а также тех его произведений, которые были подписаны псевдонимами, с целью создания полной библиографии писателя) датируются

концом 40-х гг. Первые работы, имеющиеся в архиве, относятся к началу 50-х гг. прошлого века (д. 304).

Все материалы, относящиеся к Мамину–Сибиряку, можно условно разделить на два блока: первый — о его роде, жизни, взаимоотношениях, окружении, а также обстановке, в которой он жил и творил; второй — о его литературной деятельности — художественных произведениях, их анализе, о литературном процессе второй половины XIX столетия, в которую «вписано» творчество писателя. Общее количество дел, которые посвящены жизни и творчеству писателя или в которых есть те или иные сведения, касающиеся Мамина-Сибиряка, существенно превышает 500, поэтому в данном обзоре будут приводиться сноски на дела и единицы хранения лишь в редких случаях.

Блок о жизни насыщен материалами, представляющими собой выписки фактов из писем, дневников, архивных материалов и других источников. Несколько тысяч листов с фактами, почерпнутыми из архивов, с точными ссылками на использованные фонды, дела и листы, четко атрибутирующиеся по времени и источникам. Каждый из этих материалов может быть использован вторично исследователями, занимающимися творчеством Мамина-Сибиряка.

Среди материалов этого блока хотелось бы обратить внимание на те из них, которые дают представление о том, как шло обобщение и что в результате сделано И. А. Дергачевым. Эти обобщения все-таки были промежуточным звеном промежуточной стадии анализа материалов. В литературоведческих работах и в статьях, касающихся жизни Мамина-Сибиряка, они порой представлены небольшими фрагментами, заметками, ссылками, а часто являются способом или, лучше сказать, инструментом объяснения логических связей при освещении того или иного вопроса, относящегося к творчеству Мамина-Сибиряка.

Так, в архиве Ивана Алексеевича есть материалы, представляющие подённое описание событий из жизни Мамина-Сибиряка. По дням расписаны годы с 1868 по 1914 (д. 960, 1700, 1701 и др.). Такого типа материалы встречаются и в других делах, посвященных другим аспектам жизни писателя. Особенно насыщены фактами с точными датами до дня и месяца о событиях его жизни и творчества годы с 1876 по 1900. Такая систематизация фактов жизни писателя была одной из ступеней дальнейших обобщений, способствовала выявлению связей, построению концепций, анализу произведений, и она может представлять интерес для последующих поколений исследователей жизни и творчества Мамина-Сибиряка.

Другой факт, который хотелось бы упомянуть, относится к стемме рода Маминых, которая была составлена Иваном Алексеевичем в результате объемной по материалам и очень кропотливой работы (д. 945). На ней есть пометка: «все точно по документам!» В принципе биографы-исследователи Мамина-Сибиряка давали представление о его родословной, но та, что составлена Иваном Алексеевичем, является очень полной и скрупулезно обоснованной документами.

Установление генеалогических связей позволяет судить о культуре, передававшейся от поколения к поколению, об исторической памяти предков. Сам Мамин-Сибиряк придавал значение и своим дедам, и своим прадедам. «В некотором роде, — писал он в «Голосе крови» — каждый из нас является живым итогом всех своих предков».

Не только предки играли значительную роль в становлении Мамина-Сибиряка как личности и творца, но и вещи, быт, бытовой контекст. И этому вопросу в архиве Ивана Алексеевича посвящены многие материалы, прежде всего, это выписки о быте из произведений Мамина-Сибиряка и других источников.

Второй блок включает материалы о литературной деятельности Мамина-Сибиряка: о художественных произведениях, их анализе в контексте литературного процесса второй половины XIX столетия (д. 33, 60, 70, 76, 78, 80, 91–96, 98–101, 104, 136, 154–159, 163–167, 170–173, 178–180, 186, 187, 191–198, 220, 223, 287, 315, 327, 338, 356, 357, 366, 369, 370, 380–388, 393, 397, 439–445, 450–451, 461, 468, 496, 527, 572, 606, 627, 636, 637, 646, 649, 907, 1135–1141, 1506, 1805, 1806 и др.).

Было бы неправильным перечислять все те проблемы и темы, касающиеся творчества Мамина-Сибиряка, которые освещены в публикациях И. А. Дергачева и представлены в архиве, — это хорошо известно. Но той конечной форме изложения материалов, с которой знакомы читатели, предшествовала объемная и разнообразная работа: сбор материалов, систематизация, осмысление и т. д. Это так называемая кухня создания литературоведческих работ Ивана Алексеевича и представляет, как мне кажется, в настоящее время большой интерес. Если конечное осмысление любых материалов со временем может претерпевать определенную эволюцию в связи с развитием общества и, как следствие, теории литературы (с изменением акцентов, методологических подходов и даже парадигм), то факты, их логическая систематизация — остаются значимыми всегда. И тому пример литературоведческие работы Ивана Алексеевича, посвященные Мамину-Сибиряку. «Иван Алексеевич, — писал А. Шептаев, — пересматривает устаревшие представления и удобные, но

неверные, “выючные” концепции, которые хорошо укладывались в привычные рамки дореволюционных оценок и представлений об авторе»¹. Взгляды на творчество писателя могут меняться, но, повторяю, факты, их логическая систематизация остаются постоянными во времени.

К таким непреходящим по значению во времени относятся архивные материалы о творчестве писателя, текстология, систематизация каких-то определенных понятий (например, жанровые определения произведений Мамина-Сибиряка), составленные схемы, облегчающие восприятие, обобщение и возможность использования материалов в последующем, и т. п.

Среди рукописных материалов есть неопубликованные варианты освещения того или иного вопроса, например, особенностей реализма Мамина-Сибиряка 1870–1880 гг., рассмотрения книги «Уральских рассказов» как целого, при анализе которой достаточно четко представлена точка зрения Ивана Алексеевича по вопросам стиля, тематики и авторской позиции в этих произведениях, несколько разделов (глав книги) о романах этого писателя и поиске романного жанра, а также многих других аспектах творчества Мамина-Сибиряка.

Неопубликованных рабочих материалов о творчестве Мамина-Сибиряка так много, что невозможно даже в самом кратком виде представить все их многообразие, значимость и оригинальность в одном обзоре. Этому вопросу будет посвящена специальная публикация.

В трудах Ивана Алексеевича, как отмечалось многими авторами, писавшими о его научных исследованиях, сочетается теоретический и историко-литературный подход к изучению творчества Мамина-Сибиряка, да и в принципе всех уральских писателей. Поэтому среди архивных материалов очень много наработок с надписью «мое», «мысли вслух», с одной стороны, в папках, посвященных творчеству Мамина-Сибиряка и других писателей Урала, с другой — в делах, представляющих подраздел «Теоретические вопросы литературоведения», которые имеют рубрикации «Теория», «Метод», «Стиль», «Жанр», «Эстетические взгляды» и др.

Приведу два примера. Первый взят из дела 78, где собраны выписки разных авторов о методе, среди которых есть несколько листов, обозначенных Иваном Алексеевичем как «Метод. Моё», содержащих высказывания

¹ Этот отзыв был обнаружен нами в одном из писем А. Шептаева к Ивану Алексеевичу, и, судя по тексту письма, предназначался к публикации в центральной прессе.

об исторической обусловленности психологического и социологического течений в реализме XIX в.

«Мне кажется, что “психологическое” течение в реализме представляет попытку реализации романного принципа типизации, а “социологическое” — очеркового. При этом необходимо уточнить — и очень — понятие очерка, исходя из особенностей очерковой типизации. У меня уже написано (в докладе Томской конференции), что очерковая организация, специфика жанровая его определена тем, что сознание автора преднамеренно отождествляется с сознанием других, материалы, доступные автору, подаются читателю вне значительного их препарирования (но с выделением, вычленением, объяснением структуры), и читательское сознание обязано проделывать самостоятельный путь мысли, аналогично тому, что проделывает писатель» (д. 78, ед. хр. 1, л. 83).

И другой пример, обозначенный Иваном Алексеевичем как «мысли вслух», относящийся к творчеству Мамина-Сибиряка (д. 263, ед. хр. 1): «Мамин-Сибиряк натуралист. Это ясно. Но натуралист не в том привычном смысле слова, когда натурализм выводится за пределы достойного искусства, а в подлинно историческом. Было такое ответвление в целом реалистического искусства, которое было в чем-то параллельно позитивизму в философии. Так же как и позитивизм, натурализм апеллировал к опыту, ставил вопрос: что это такое, от чего зависит, — избегая задавать вопрос о метафизической сущности и первых основаниях вещей. В области социальной психологии он обращался к анализу ее на уровне поведения и поведенческих реакций. Социальные отношения рисуются как воспринимаемые в процессе жизнедеятельности, получают часто верную оценку, но в пределах статики и без учета отдельных перспектив. Он историчен в той мере, в какой опирается на историческую память народа как часть его быта, его бытия. Этим он преодолевает замкнутость, сиюминутность своих построений, приобщает людей к “вечности”».

В то же время анализ произведений Мамина-Сибиряка (как и других писателей Урала) в контексте эпохи, в контексте истории, т. е. историко-литературный подход, требовал анализа творчества как предшественников, так и современников. Именно поэтому в архиве представлен большой массив материалов, посвященных анализу творчества Л. Толстого, Г. Успенского, А. Чехова, Н. Гарина-Михайловского, И. Тургенева, Н. Чернышевского, В. Гаршина, В. Короленко и многих других русских писателей, так же как анализ литературоведческих взглядов Н. Шелгунова, А. Скабичевского и др. (д. 165, 181, 182, 185, 189, 199, 450, 649, 1136 и др.).

Эти материалы представлены рукописными текстами, машинописными с рукописной правкой или без нее (это, как правило, 2–3 экземпляры текстов), а также множеством заметок с ремарками «мое», «мысли вслух», «очень важно», «срочно печатать» и др.

Кстати, в некоторых случаях полностью рукописные варианты литературоведческих текстов Ивана Алексеевича отсутствуют, так как в последние годы он иногда создавал текст сразу же на пишущей машинке и вносил в него рукописную правку.

Следует отметить, что в архиве есть дело 237, которое содержит подробные сведения о жизни и произведениях современников Мамина-Сибиряка — писателей Малахова, Заякина, Туркина, Головой (Гарднер), Гафури, Инфатьева, Крашенинникова, Погорелова, Носилова, а также о поэте Филимонове и о близком друге Мамина Николае Владимировиче Казанцеве и др.

Вторым по объему написанного, но не менее значимого в разделе «Литературоведение» анализируемого архива является *творчество Ф. М. Решетникова* — этого очень самобытного уральского писателя (д. 1–86, 89, 165, 376 и др. — всего 117 дел, представленных более 300 ед. хр., и 8 тыс. листов, из которых более 70 % составляют рукописные страницы; если учесть также страницы в делах, не относящихся непосредственно к Решетникову, но имеющих листы с пометкой «к Решетникову», то объем материалов возрастет до 9,0–9,5 тыс. листов).

Напомню, что Н. Шелгунов писал о Решетникове: «В Решетникове нет ничего, что бы напоминало литературу предшествующего периода. В сочинениях Решетникова все иное, все не так: не тот мир, не те люди, не тот язык, не та жизнь, не те радости, даже не то горе и не те интересы» (цит. по выписке И. А. Дергачева: д. 30, л. 9).

Материалы архива скомпонованы в отдельные дела или представлены отдельными единицами хранения в тех делах, основные материалы которых отражают творчество Мамина-Сибиряка. К сожалению, абсолютное большинство материалов, наработанных Иваном Алексеевичем (написанных статей, по той или иной причине не доведенных до состояния, соответствующего публикации; планов, как очень подробных — тезисных, так и только с названиями глав и объемами будущих текстов; различных списков, аналитических осмыслений произведений Решетникова и др.) не были опубликованы при его жизни. За весь период своей литературоведческой деятельности Иван Алексеевич опубликовал 12 работ, посвященных творчеству Ф. М. Решетникова, а также 5 работ, где он так или иначе касался его творчества. Первая публикация «Новые

материалы к биографии Ф. М. Решетникова» появилась в 1958 г. в журнале «Урал», хотя написана она была в 1956 г.

Представленные в архиве Ивана Алексеевича материалы охватывают как аспекты жизни Решетникова (родословие, детство, Екатеринбург, суд, первые литературные опыты, Пермь, Петербург, «Северная пчела», С. С. Каргаполова и ее родство и т. д.), так и проблемы творчества Ф. М. Решетникова в целом. Кроме материалов об его отдельных повестях, очерках и романах, есть такие, которые посвящены рассмотрению взаимоотношений Решетникова с другими писателями, анализу дневников писателя, анализ творчества писателя в контексте состояния русской литературы XIX в. или зарубежной литературы. Есть материалы, представляющие собой анализ фольклоризма, жанра очерка, жанра романа, стилистических систем, проблемы обыденного в литературе, особенностей художественного метода и стиля Решетникова. Широко представлены дела, включающие библиографические материалы, описи и материалы из разных архивов, которые представлены 12 ед. хр., скомпонованными в 7 дел, а также листы, имеющие пометку «к Решетникову» и рассредоточенные среди других материалов раздела «Литературоведение», например, в делах, относящихся к теоретическим вопросам литературоведения или личностям отдельных писателей.

Таким образом, архивные материалы охватывают все возможные стороны жизни и творчества Ф. М. Решетникова, причем, напомним, большинство из них — материалы рукописные и при жизни Ивана Алексеевича не публиковавшиеся.

Часть глав монографии «Ф. М. Решетников: жизнь, личность, творчество» к настоящему времени опубликованы в журналах «Урал», «Родина», «Известия Уральского университета», поскольку они были переведены в машинописный вариант самим Иваном Алексеевичем. Но чем ближе к концу книги, тем меньшая доля текстов имеет машинописные варианты, тем меньше расшифрованных текстов. Расшифровка написанных рукой Ивана Алексеевича текстов — это очень сложное дело, но все же часть из них уже подготовлена к печати. Хотя это очень малая толика того, что ждет опубликования.

В данном подразделе — о жизни и творчестве Ф. М. Решетникова (по объему существенно меньшему, чем в случае Мамина-Сибиряка) выделение блоков, связанных с вопросами жизни писателя и вопросами его творчества, на данном этапе не было проведено. В настоящем сообщении мы очень кратко коснемся вопросов, связанных с жизнью, родословием писателя и его творчеством.

Остановимся только на трех моментах того, что сделано Иваном Алексеевичем в отношении уточнения, детализации, введения в обиход новых материалов биографии Ф. М. Решетникова.

Прежде всего, на том факте, что впервые для писателя-разночинца было составлено родословное древо и подробно описано родословие писателя. Иван Алексеевич отмечал (д. 30, ед. хр. 1, л. 11), что все биографы Решетникова прекращали свои разыскания на общих сведениях о родителях писателя, не пытаясь заглянуть в его родословие. Считается само собой разумеющимся, что писатели-дворяне должны иметь и имеют родословие. Социальный опыт, заключенный в жизни ряда предков, рассматривается как важный момент в становлении личности художника. Родословие же писателей-разночинцев внимание не привлекает. Иван Алексеевич пытается объяснить это отсутствием у разночинцев документов о своем роде, которые особо хранили дворяне. Но принадлежность ближайших родных Решетникова к почтовому ведомству обеспечила сведения о них. Последние содержались и сохранились в формулярных списках почтальонов. Это помогло составить родословие Ф. М. Решетникова.

Второй момент, на котором хотелось бы остановиться, — это уточнение всех основных — этапных — дат жизни и творчества Решетникова, что представлено в д. 22, ед. хр. 3, л. 45 и 45об. в виде рукописного списка, содержащего 51 пункт, т. е. 51 дату на уровне не только года, но также месяца и числа. Для 30 лет, в течение которых жил и творил Ф. М. Решетников, это достаточно подробный перечень.

И, наконец, третий момент. Иваном Алексеевичем пересмотрены некоторые аспекты взаимоотношений писателя с воспитателем Василием Васильевичем Решетниковым, который в большой степени оказал влияние на становление черт его личности. И. А. Дергачев написал: «Прежде чем вынести суровый приговор воспитателю Федора Михайловича, простому почтовому служаке с типично чиновничьим неулыбчивым лицом, как это сделал Векслер (“своенравен, деспотичен, суров, обидчив, консервативен”), надо понять, что все эти определения противоречат многому из того, что мы знаем о Василии Васильевиче хотя бы из скупых сохранившихся документов и переписки. Василий Васильевич много сделал для Федора Михайловича, особенно во время следствия и суда. Отдельные вспышки грубой семейной власти в нем были подсказаны не столько его собственным сложившимся характером, сколько нормами того же самого устоявшегося быта и не выходили за рамки принятого. Доброе отношение к нему Федора Михайловича, несмотря ни на что, проглядывает в его письмах к Василию Васильевичу» (д. 22, 28, 52).

Как отмечал Иван Алексеевич, внимание к биографии Решетникова вызвано не только необходимостью получить верные сведения о его жизни (д. 77). Открывающиеся при этом факты помогают пересмотреть некоторые ошибочные, но укоренившиеся трактовки особенностей таланта писателя, типа его реализма. Многие авторы, пишущие о Решетникове, исходят из того, что Решетников следует за потоком впечатлений, непосредственно полученных в жизни. Повесть «Между людьми» рассматривается ими как простое фотографическое отражение биографии писателя. Начало такому пониманию таланта писателя положил И. Тургенев, который, отметив «Трезвую правду», был уверен, что писатели типа Решетникова ничего выдумывать не могут (д. 31, ед. хр. 7, л. 92). Изыскания Ивана Алексеевича опровергли эту характеристику Федора Михайловича Решетникова.

Все, что я говорила о теоретическом и историко-литературном подходе к анализу литературного творчества Мамина-Сибиряка, можно отнести и к Решетникову: много мыслей, размышлений, часто по теоретическим аспектам, есть анализ творчества писателей-современников Решетникова и тех, кто жил в другое время, но оказал на него влияние, есть много ценных для анализа творчества Решетникова «мыслей вслух», которые не вошли ни в один уже написанный текст, являясь зачастую лишь направляющими при анализе творчества Решетникова. Как, например, вот этот текст: «То, что Решетников заметил два различных мира и разделил их не по уровню духовности, а заметил антогонизм во всем — уже было свидетельством приближения нового исторического этапа борьбы самих масс. Тут не может быть и речи о понятии “старший брат”, как любил называть себя интеллигент, имея в виду “младшего брата” — трудящегося бедняка. Тут не братство, а вражда, не союз, а противостояние» (д. 13, ед. хр. 1, л. 9). Или такой текст: «Главное в решетниковской типизации — отыскание внутренней структурности поведения человека, отдельного человека, подчеркнуто частного, не выбранного даже, а рядового, как все, но со своей конкретной биографией, жизненным опытом, накопленным ранее им, а также социальным целым, к которому он принадлежит» (д. 85, ед. хр. 1, л. 12). Очень интересны и оригинальны размышления об особенностях художественного метода и стиля Ф. М. Решетникова, занимающие 5 рукописных страниц формата А4, исписанных мелким почерком Ивана Алексеевича (д. 13, ед. хр. 1, л. 9, 9 об., 10, 11, 11 об.).

О структуре сюжета и художественности романов, о проблемах изучения творчества Решетникова, о социально-исторической почве

народного реализма писателя, об особенностях принципов типизации в творчестве Решетникова, об отношении Мамина-Сибиряка к его творчеству, о взаимоотношениях Решетникова и Некрасова — вот некоторые темы, имеющие также освящение в архиве. Кроме того, много материалов об отдельных романах или повестях Решетникова. Ряд страниц помечен, например, словами «мысли к Подлиповцам». Они касаются темы, сюжета, динамики повествования и других вопросов. Очень много материалов о сатире в произведениях Решетникова, причем основная их масса — рукописная (например, дело 48, включающее 227 листов, из которых только 17 — машинописные).

Судя по архивным материалам, замыслы Ивана Алексеевича относительно Решетникова были огромны. Это и издание всех произведений Федора Михайловича в «Уральской библиотеке», согласно имеющемуся проекту (д. 87 ед. хр. 8, л. 37). Из 5 предполагавшихся томов вышло два, а третий был почти подготовлен к изданию (д. 104). В замыслах была книга о жизни и творчестве Решетникова, которую он почти закончил. Надо отметить, что Дергачевым была задумана не одна книга о Решетникове, о чем свидетельствуют планы монографий (например, д. 61, ед. хр. 5; д. 1985 и др.). Имеются наброски или тексты почти законченных статей, часть из которых уже опубликована.

Еще один пласт литературного наследия Ивана Алексеевича (подраздел в разделе «Литературоведение») составляет творчество писателей Урала как XIX — начала XX в. (А. Кирпищикова, А. Туркина, А. Погорелова, И. Колотовкина и др.), так и старших и младших современников Ивана Алексеевича: П. Бажова, К. Боголюбова, А. Бондина, В. Николаева, Н. Никонова, Н. Поповой, О. Марковой, В. Старикова и многих других.

Как свидетельствуют архивные материалы, представленные рукописными и машинописными с рукописной правкой текстами, относящиеся к разным периодам деятельности Ивана Алексеевича, он возвращался к творчеству многих писателей-уральцев, таких как Туркин, Погорелов, Кирпищикова, Заякин-Уральский, Бажов, Боголюбов, Бондин, Попова, Маркова и др., неоднократно (д. 174, 200, 201, 202, 204–206, 208–210, 212, 216, 217, 219, 221, 224, 225, 259–263, 273, 277, 281, 284, 295, 334, 339, 344, 391, 649, 1901 и др.).

В архиве имеются неопубликованные заметки о творчестве Л. Сорокина, Б. Марьева, Ф. Вибе, Н. Никонова, М. Найдича, Я. Резника, В. Очеретина, Г. Бокарева, К. Борисова, И. Акулова, Б. Дижур, П. Макшанихина, К. Лагунова, В. Николаева, В. Старикова, В. Астафьева и многих

других. Они находятся в пределах разных дел, посвященных обзорам литературы или другим проблемам литературоведения.

Эти материалы по объему неравноценны: от беглых заметок до подробного анализа творчества писателей. Более подробный анализ материалов о творчестве писателей Урала разных периодов, представленных в архиве Ивана Алексеевича, еще ждет своего времени.

Ряд дел в архиве относится к теории литературы — это подборки материалов, обозначенные Иваном Алексеевичем как «Методология литературного процесса», «Теория литературы», «Критика 80-х годов», «Литературная критика», «Социально-исторический характер 80-х годов», «Жанр рассказов», «Теория романа», «Проблема романа в русской критике», «Роман», «Позитивизм», «Очерк», «Системный подход» и др. (д. 152, 153, 161, 165, 179, 182–184, 192, 268, 286, 296, 378, 449, 452, 464, 908, 911 и др.). Большое количество дел содержит библиографию по разным вопросам и аспектам изучения творчества уральских писателей, включая также Мамина-Сибиряка и Решетникова (например, д. 188, 404, 442, 462, 1699, 1673 и др.).

Есть еще ряд дел в архиве Ивана Алексеевича, в которых содержатся материалы, отражающие разные аспекты его творческой жизни и на данном этапе объединенные временно в раздел «Разное». Этот раздел включает дела, касающиеся литературного краеведения, материалов к лекциям, спецкурсам и спецсеминарам, докладов и выступлений, издательских дел, материалов военных лет и текстов о Великой Отечественной войне, представляющие собой рукописи произведений юношеских лет, учебные, учебно-методические и учебно-научные материалы, а также письма.

На очень кратком анализе последних хотелось бы остановиться особо. Анализ этой части архива заставляет по-новому взглянуть на масштабность личности Ивана Алексеевича, на широту его интересов, его умение объединять и поддерживать связи единомышленников в разных ракурсах жизни. Письма знакомят с выдающимися литературоведами второй половины прошлого века, с которыми он вел активную переписку и значимость которых теперь уже проверена временем. Письма Ивана Алексеевича и его коллег по переписке вносят существенный вклад в разделы, выделенные как основные в архиве Дергачева, — «Литературоведение» и «Литературная критика», ибо в письмах активно обсуждались разные проблемы литературоведения, проводились критические разборки произведений писателей или литературоведов, содержался обмен новыми сведениями, идеями, мыслями.

Среди писателей и литературоведов, с которыми Иван Алексеевич вел активную переписку, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Лидия Михайловна Лотман, Фаина Зиновьевна Канунова, Никита Иванович Пруцков, Александр Иванович Груздев, Владислав Антонович Ковалев, Николай Иванович Соколов, Лев Левин, Борис Удинцев, Виктор Стариков, Сергей Барудзин, Людмила Татьяничева, Нина Попова, Лев Сорокин, Альберт Лиханов, Борис Марьев, Валентин Распутин и многие другие.

Неизменно с Иваном Алексеевичем поддерживали переписку жены А. Бондина и П. Бажова, писали сыновья А. Туркина, А. Погорелова (Сигова), П. Инфатьева, дочь поэта Г. Супонева и т. д., а также краеведы В. Бирюков, Е. Петряев, Е. Хронилова, А. Шарц и др.

Более всего, конечно, Иван Алексеевич общался через письма с литературоведами, обсуждая широкий круг проблем. Например, в письме к Владиславу Антоновичу Ковалеву (сохранился второй экземпляр письма, напечатанного на машинке) он, откликаясь на присланную им статью о Мамине–Сибиряке и Толстом, обсуждает подробно эту тему (д. 649, ед. хр. 1). Письмо большое, на 4 страницах, содержит, как пишет Иван Алексеевич, «дополнения» к обсуждению этой проблемы В. Ковалевым и требует полного его цитирования, что невозможно сделать в небольшом по объему обзоре. Но дополнения эти существенны и касаются возможности использования рассказа «Догорели огни» для обсуждения проблемы «толстовщины» и оценки ее Маминым–Сибиряком, обсуждения Маминым Толстого и Аввакума, полемики Мамина и Толстого в течение всех 90-х гг., отношения Мамина к личности Толстого и т. д.

В ответе на письмо Дмитрия Сергеевича Лихачева Иван Алексеевич писал: «По Вашему желанию возвращаюсь к замечаниям о статье “Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII веков”, высказанным мной в самой общей форме». Письмо представляет интерес как целое и в кратком обзоре не может быть опубликовано.

Есть письма, содержащие отзывы на книги и статьи, например, Ф. Кулешова, А. Груздева, Е. Куклиной, Е. Евстафьевой и многих других.

В ряде писем, напротив, обсуждаются статьи Ивана Алексеевича. Так, в письме А. И. Груздева обсуждается статья, сопутствующая отдельному изданию И. А. Дергачевым в 1972 г. «Приваловских миллионов» Мамина–Сибиряка. Александр Иванович пишет: «С большим интересом прочитал о Ваших теоретических принципах в изучении демократической литературы последней четверти века. Ваша точка зрения меня вполне убеждает в ее научной ценности. Самый живой интерес вызвала

и статья Ваша о “Приваловских миллионах”. Она написана в живой современной манере и сохраняет при этом и глубину научных познаний, и добросовестность исследователя. Особенно привлекают внимание Ваши суждения о Максиме Лоскутове. Никогда не думал, что для его мистических теорий можно разыскать фактические основы. Это и ново, и содержательно, и кажется мне вполне убедительным. Во всяком случае, Вам удалось сказать о Лоскутове лучшее по сравнению со всем тем, что говорилось о нем до Вас» (д. 1142).

Большой интерес представляют письма, в которых есть те или иные комментарии или сведения о писателях или их отдельных произведениях. Так, в письме А. Бондиной содержится комментарий к рассказу «Ревякин», написанному А. Бондиным в 1938 г. Она сообщает: «В образе главного персонажа рассказа Иване Ивановиче Ревякине Бондин обобщил черты многих людей, которых он знал в годы культа личности... Образ не выдуманный, а выхваченный из жизни». Письмо сына Туркина представляет собой рукопись объемом 13 страниц формата А5 и содержит воспоминания о писателе А. Г. Туркине в виде ответов на вопросы, поставленные Иваном Алексеевичем (к сожалению, письма с вопросами в архиве нет). В письме дочери поэта Г. А. Супонева сообщаются сведения о его жизни и творчестве, большинство из которых не известно читателям, а в письме Е. Чистосердовой — важные сведения о Порфирии Павловиче Инфатьеве (д. «Письма», без номера, ед. хр. 3).

Из писем можно почерпнуть много самых разных интересных сведений, например, о том, что первое издание книги А. А. Кирпищиковой «Очерки и рассказы», как и первой книги А. Погорелова «Мрак. Перед грозой», было осуществлено издателем Александром Петровичем Чарушниковым в 1902 и 1900 гг. соответственно (письмо А. Чарушникова — внука издателя от 14 октября 1987 г.: д. «Письма», без номера, ед. хр. 6).

В многочисленных письмах Б. Удинцева, В. Старикова, А. Груздева много сведений и оценок Мамина-Сибиряка и как личности, и как писателя. Так, в письме от 29 июня 1980 г. Виктор Стариков написал: «[Мамин-Сибиряк] (вставлено мной. — М. Д.) личность крупная, занимающая особое место в русской литературе. Все же первый показал русский капитализм и всю сложность русской жизни после падения крепостного права. Кто еще из русских писателей так талантливо и ярко раскрыл читателям эту эпоху?» Далее В. Стариков продолжает: «Вы должны бы написать и еще одну большую книгу о другом уральском писателе — Ф. Решетникове. Так обидно и мало знают об этой трагической фигуре. А ведь без

него нет русской литературы», и затем заключает: «Оба — талантливые представители русского народа, русской культуры» (д. «Письма», без номера, ед. хр. 5).

Разнообразные обсуждения, новые сведения, известия о замыслах можно найти во многих письмах, которые, я считаю, нужно выделить в отдельный раздел научного наследия Ивана Алексеевича Дергачева.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Еще много из того, что оставил в виде архивных материалов Иван Алексеевич Дергачев, не опубликовано. Но до тех пор, пока перспективы в изучении творчества Мамина-Сибиряка, Решетникова и других писателей Урала, будут иметь место, архивные материалы ученого будут представлять ценность для современных исследователей. Очень бы хотелось, чтобы материалы, собранные в архиве Ивана Алексеевича Дергачева, стали достоянием филологической науки.

Е. С. Зашихин

г. Екатеринбург

«Важен угол зрения на мир...»

А. С. Субботин и жанровый подход

Заведующий кафедрой советской литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького Александр Сергеевич Субботин во всем ценил точность.

Это касалось прежде всего словоупотребления: он буквально вспыхивал, углядев в иной публикации обороты, обычно именуемые им заемной фразой «весьма какие-то» (источник этой явно обрываемой цитаты не оглашался, но звучало убийственно). Это относилось также и к его жестким — по оценочной сути — критическим суждениям (взглянет на обложку очередного сборника плодового местного пиита и резанет: «Лирика-с»). Ну и, конечно же, имело прямое отношение к будничной, скажем так, аккуратности — тому же приходу сотрудников на службу вовремя или корректности цитирования (цитаты он в рецензируемых им научных работах обычно перепроверял).